

Домик колдуна

Глава 1

Октябрь царапался в окно золотой веткой клёна. Я пересмотрела за вчерашний день всё домашнее видео. Выспалась на полгода вперед.... Скучно! Телефон валялся на диване, потому что все мои друзья были далеко. Наши уговорили классную съездить в Питер не на осенних каникулах, а в середине октября. Пока ещё осень не с противными дождями, а красивая и тёплая. И только несколько несчастных оказались за бортом этой экскурсионной лодки. Среди них я – потому что умудрилась сломать левую руку, и Ашот.... Не радуется даже то, что образовалось четыре выходных дня. С кем их проводить? Женька в школу ходит, днём её не бывает. Хорошо, что Ашот позвонил, в гости придёт.

Звонок в дверь был просто оглушительный. Я даже подпрыгнула. Ашотик принес ещё пару фильмов.

- Анька, пойдём погуляем? Там погода хорошая. Ты же можешь куртку нацепить?

- Ага. Только куда мы пойдём? – я ушла переодеваться. Это теперь было нелегко, с одной-то рабочей рукой.

Мы решили проехать на автобусе до конечной. Маршрут продлили до какой-то чудной остановки – «Дымный холм». Надо же такое название придумать?! Осень грела щёки солнечными лучиками, сыпала золотые чешуйки клёна под ноги. Мы бродили в окрестностях конечной остановки, не понимая, зачем здесь люди выходят. Две широкие тропы уходили: одна - в сторону заброшенного санатория, другая – в неизвестность. Она петляла и была очень грязной. Уже после я узнала, что там, вдали, обосновался какой-то фермер, вот к его хозяйству и продлили маршрут, чтоб рабочие могли добираться до работы. Городской шум остался позади. Слышался только шелест падающих листьев, шуршание осеннего ковра под ногами.... Так хорошо! Но мы легких

путей не ищем, как правило. Вот и я, углядев в зарослях кустик калины, рванула к нему. Обожаю эту горькую ягоду!

- Аня, ты поаккуратней скачи! Мне твоя мама голову отвертит, если ты еще что-нибудь сломаешь себе.

- Ашотик! Скорей сюда! Тут такая красотища! – Я даже забыла, как дышать. У меня под ногами золото-багряный ковер сбегал вниз с пригорка, справа и слева лес как на картинах застыл в ярком убранстве, где-то внизу журчал ручеек, а на расстоянии двух минут полета поднимался новый склон. Каждый падающий лист был как на ладони, я даже гриб разглядела на той стороне!

- Фантастика!

- Ага! Слушай, от нашего дома до такой красоты – десять минут ехать. А мы никогда здесь не были. Надо ребятам сказать, на великах тут вообще близко.

Какая-то птица пролетела прямо над головой.

- И птицы непуганые какие-то.

- Я хочу на тот склон.

- Аня, проверь: у тебя голова на плечах есть? Ты как туда, на попе сидя поедешь, а рулить гипсом будешь?

- Не занудствуй.

Склон и впрямь был крутым. Так просто не получится спуститься.... Но это же я! Если чем-то озадачусь, то места себе не найду, пока решение не придумаю. Я прошлась немного по верху пригорка и нашла! Нечто, похожее на ступеньки. Нет, это не нечто! Это и были чудные ступеньки из брёвнышек. Просто лестница была такой древней, что дерево потемнело до черноты и покрылось налётом зелёного мха.

- Ашот, смотри.

- И не подумаю, - раздалось откуда-то издалека. Оказывается, я довольно далеко отошла от друга. Но мне так дышалось, что хотелось петь и ...приключений.

Я осторожно стала спускаться по гниловатым ступеням вниз, иногда предварительно ногой расчищая ступени от пушистого цветного ковра.

- Да иди же! Тут лестница.

Я постепенно опускалась по склону, журчание ручейка становилось все слышней, а уходящее тепло лета все слабей. Лучи солнца спотыкались о камыш, выше меня ростом. Последние ступени уходили к ручейку. Там уже было топко. Но, похоже, дальше лестница тоже существовала когда-то. Вот бы перебраться на ту сторону! Я десятым чувством осознала близость тайны и приключений. Фиг меня остановишь теперь!

- Аня, нам еще возвращаться! – Сзади пыхтел и бухтел наш толстячок. Его предусмотрительность и осторожность всегда была уделом насмешек в нашей компании. Но он же меня не бросит здесь. Надо только найти возможность перебраться на ту сторону через заросли камыша и жижу под ногами.

- Анька, совесть имей!

- Лучше придумай, как на ту сторону перебраться.

- Гипс положи свой через ручей...

- О! Ты прав! Надо бревно найти. И перекинуть через грязючку.

- Ага, может, тебе мостик организовать, с перилами и ковровой дорожкой?

Но я уже искала то, что можно использовать из подножных средств. И нашла, как ни странно, столешницу от какого-то кухонного стола. Что она здесь делала, я не знаю. Грязная, с присохшими листьями, она была основательно опутана травой и присыпана землей. Но для моей цели вполне годна. Иногда мне надо остановиться. Или надо, чтобы меня насильно остановили... Но

Ашот – слишком тактичная личность, ему это не под силу. Вот не найди я тогда эту столешницу – и ничего бы не приключилось. Останови меня, Ашот, мамин звонок или дождик – и мы просто вернулись домой.

Мы изрядно перепачкались, вытаскивая находку из травяного плена. Потом я отодвигала в сторону камышинные стрелы, а мой одноклассник, непрерывно бухтя, делал мост для моего высочества. Джентльмен, однако!

- Аня, остановись!

Но я уже наступила одной ногой на качающийся мост. Шаг, и я на другом берегу. Только меня встретили густые заросли какого-то кустарника. Ступеньку под травой и листвой я нашла, и это главное!

- Здесь продолжается лестница!

- И что?

- Ашот, ну надо же понять, зачем она здесь!

- Не надо... Домой пора. Ты посмотри на свои ладони и коленки – как будешь возвращаться, грязнуля? Да и я не лучше.

Меня спас позывной мобильника у Ашота. Я воспользовалась возможностью и рванула вверх по лестнице. Теперь я не очищала гнилые ступени от листвы и травы, двигалась ползком, здоровой рукой приподнимая наклонённые ветки кустарника и используя левую руку как третью точку опоры. Встать в полный рост кустарник не давал, но ползком я добралась до вершины пригорка за несколько минут. В волосах запутались веточки, на зубах что-то скрипело, в ушах шумело, но я добралась! Встала, отряхнула джинсы, огляделась. С этой стороны никакой природной красоты. Как обидно! Кустарник дурацкий, заросли репейника, паутина во все стороны. Но зачем-то же сделали лестницу?

- Аня! Ты нормальная? Куда тебя занесло?

- Я выбралась наверх, но тут ничего интересного. Сейчас осмотрюсь и спущусь.

Продираясь через репейник, я ругала себя как могла. Ну чего поперла, как овца, вперёд? Теперь как чума грязная....

Но тут я увидела макушку домика, вернее, избушки. Хоть что-то... Но это оказалось интересней, чем я могла предположить. Вблизи стало видно, насколько это старая постройка. До ставен строение ушло в землю. Запертые ставнями окна не давали заглянуть внутрь. Но отсутствие даже намёка на тропки и присутствие людей подтолкнуло меня присмотреться к домику внимательней. Да это же прошлый век, как минимум! Вот так находка! Я позвала Ашота. Толстячок припыхтел через целую бесконечность. Без его помощи заглянуть в дом было невозможно, только чердачное окошко могло удовлетворить моё любопытство. Но оно было на уровне моей шеи. Влезть я могла бы только со спины друга.

Конечно, друг возмутился моей просьбой. Даже руками замахал, даже ногами затопал. Но через пять минут я уже карабкалась по нему наверх. Чердак встретил паутиной, запахом сырости и вонью. Но в глубине я разглядела настоящие ящики или сундуки, не знаю, как правильно это назвать. Старинные ящики! Вдруг там сокровища?! Продираясь сквозь ненавистную паутину, под ноги не смотрела, конечно. Результат: зацепилась за что-то на полу, я шмякнулась всем телом на пыльный и грязный пол. Плечом вписалась в какую-то коробку так, что взвыла. Ощупала пол. То, что меня уронило, оказалось ручкой. Дверной ручкой! Потянув её на себя, почувствовала такое дыхание сырости и холода! Вот где зияла темнота и дух прошлого века!

- Анька, ты там где? Совесть имей, мне уже дважды мама звонила. Домой надо! – голос друга уже почти не был слышен. Сюда он забраться без помощи не мог никак, а я так увлеклась историческими поисками, что готова была спуститься в дом. Хотя пол подо мной так отчаянно прогибался, что это насторожило даже меня.

О том, как я спускалась, вспоминать даже не хочу. Это был кошмар.

- Аня, смело можешь подсаживаться к бомжам около помойки: за свою примут! – Квадратные глаза моего одноклассника яснее ясного говорили, что он не шутит.

Сказать, что я испачкалась – ничего не сказать. Джинсы, куртка, лицо, ладони – все чёрное, с зелёными разводами, в какой-то жёлтой слизи.... Ужас! Надо будет Женьке позвонить, чтобы маму отвлекла, пока я в комнату просочусь и переоденусь.

- Ашот, там такое! Надо будет с ребятами вернуться. Через неделю снимут гипс, и они вернутся из Питера. На следующих выходных приедем?

- Аня! Угомонись! Мне три сочинения писать, забыла?

- Я напишу. Хочешь? Только пообещай, что мы вернёмся.

Но вернуться мы смогли только через месяц. После снятия гипсового набалдашника рука оказалась такой беспомощной, мерзкой, ничего не умеющей. Кроме того, она болела и мешала втрое больше. Дожди тоже стали препятствием к путешествиям. Но с первым снежком я потащила друзей в затерянный дом.....

Глава 2

Нет, всё-таки как здорово, что с нами пошел Никита. Мы уже побывали вместе в таких переделках, что мне не терпелось ему мою находку показать. Знала, что он-то уж точно оценит! Боцман, Никитин миттельшнауцер, трусил после всех нас, недовольно хрюкая... Иногда догонял меня и тыкался носом в пятку, ворчал и жалобно заглядывал в глаза. Холодно ему, наверное. Только три дня назад его подстригли в соответствии с породой, а тут так похолодало....

Когда мы подошли к домику, я попробовала заикнуться, что сейчас по проторенному пути влезу в дом. Получила такой жёсткий

взгляд Никиты, что сразу успокоилась: действительно, пусть первым пойдет мальчик. Это правильно. С Никитой как-то спокойно всегда – он умеет руководить, принимать решение, мыслить и делать всё уверенно. Ашотик очень хороший, но с нашим добродушным толстячком я не чувствую себя такой защищённой, как с Никиткой или Андрюшкой. А может, это после наших общих приключений на острове Тоски мы так сплотились?

Минут десять прошло, как Никита исчез в чердачной дыре, и вот он уже распахнул окно, справившись со ставнями изнутри. Мы почти как белые люди проникли в дом – через оконный проём вошли. Окно сгнило изнутри, но ставни открылись легко. А какой тяжелый и сырой воздух встретил нас в доме! Всё черное, потрёпанное временем и сыростью: старый стол, табурет, и огромный стеллаж. Я мысленно себе поаплодировала – правильно запаслась влажными тряпками. Здесь ничего не разглядеть из-за многолетней пыли и грязи.

- Аня, у тебя рюкзак кирпичами набит, что ли?

- Ашот, не бухти. Сейчас оценишь.

Мальчишки бродили по дому, скрипя полом. Но я была занята переодеванием – моя белая куртка не выдержала бы этой грязи. Достала из рюкзака халат домашний, мы его использовали только при ремонтах и генеральных уборках. Теперь я готова была к историческим раскопкам.

- Аня, ты не взяла случайно еще один фонарик? Тут совсем темно, - голос Никиты раздавался откуда-то из глубины дома.

- Я столько всего взяла! И фонарь тоже. Уже иду!

- Не.... не ходи пока. Мы сейчас паутину всю сметём, а то здесь всё заплетено ею.

Ну, я и не торопилась, в принципе. Здесь тоже масса интересного: стол был с тайником – маленьким ящичком. Но он совершенно не желал открываться. Я пробовала подковырнуть ножиком, но он чиркнул по гнилому дереву стола, и всё. Теперь я

оглядела комнату еще раз. Интересно, кто побывал здесь после хозяев, но до нас? Полки стеллажа были пусты. Что на них стояло? Что могло стоять в прихожей у людей лет так 70 назад?... Стеллаж был мощный, добротный. Может, это был дачный домик, и эта комната работала не как прихожая, а служила гостиной. Тогда на полках могла стоять посуда. А этот стол знавал большие вечерние чаепития с самоваром?

Рукой я оперлась о стену рядом со стеллажом. Ааааа!!!.... Мир качнулся, и в горле предательски отозвался завтрак. Стеллаж сдвинулся с места! Честно!

- Ты чего орешь? – Ашот выскочил из дверного проема.

- М-мне показалось, что эти полки съехали со своего места.

- Фантастики надо меньше читать на ночь.

- Но я это почувствовала!

- Ашот, Аня, все в порядке? – светя мне в глаза фонарём, выпрыгнул из темноты Никита. Выслушал меня. Велел повторить действия перед стеллажедвижением.

Нажав на то самое место, он отскочил в сторону. Потому что огромный, почти до потолка стеллаж неслышно съезжал в сторону! Моя крыша тоже немного отъезжала. Таких фокусов от старого дома я никак не ожидала. Мгновенно направив свет двух фонарей в образовавшуюся нишу, мы обмерли. Там не тайник открылся, а гораздо круче! Проём в стене вел лестницей куда-то вниз! Ничего себе, тайный ход!

- Ну, Анютка, ты даёшь! Ты всегда наступаешь случайно так, ненароком, на загадки истории? – У нашего пухлячка даже голос осип от потрясения.

Крутая лестница дышала сыростью и холодом. Почему-то мы перешли на шепот. Наверное, боялись ответов хозяев из саркофагов времени этого подвала.

- Тут, наверное, варенье хранили. Или вино...

- Странно, - тихо прошептал Никита, - для такого маленького домика такой внушительный подвал.... Зачем?

- Ничего себе! Дом маленький? Четыре комнаты вообще-то! – Квартирный вопрос для Ашотика сейчас стоял очень остро. Они ютились в малогабаритной двушке, из которой их пытались и вовсе сейчас выкинуть.

Лестница шла по кругу.

- Давайте не пойдем дальше! Чего мы забыли в подвале этой рухляди исторической? Вдруг это сооружение упадет нам на головы?

Но Ашота никто не поддержал. Мы спускались.... Фонарик выхватывал из темноты то каменные ступеньки, то сопли каких-то проросших сквозь бревна свода корней наземных растений. Никита шел первым. Внезапно он остановился и тихо присвистнул. Мы спустились в очень большое помещение с высоким потолком. Сразу увидеть все пространство не хватало мощности света наших фонарей. Но чувствовалось что-то грандиозное. Хотелось щелкнуть выключателем, как дома.

- М-да.... Однако, в таком подвале не только варенье хранить можно! – уважительно произнес наш идейный вдохновитель.

Через несколько минут мы нашли крюк, подвесили на него один из наших источников света, направив луч на правую стену. Это что-то! Вдоль всей стены были полки, заставленные бутылочками, скляночками, коробочками. На каждой была приделана бумажка, теперь уже почти незаметная от времени и липкой грязи. Не зря я все-таки взяла с собой тряпку - можно аккуратно протереть и почитать надписи. Потом мы рассмотрели середину этой комнаты.

- Это какая-то подпольная лаборатория, братцы!

- Похоже...

Стол в центре был явно не кухонный. Тут и ящик какой-то странный: с двух сторон – передней и задней – закрытый шторками,

с боков открытый. И нечто, напоминающее небольшую печку. И опять какие-то ящички и бутылочки.

- Ребята, я сейчас тряпочку намочу и смогу здесь немного повоевать с грязью. Вот только воду где взять?

- У меня есть небольшая бутылочка воды, - запасливый Ашот вытащил из кармана куртки воду. Он – жуткий чистюля. Значит, приволок из дома, помня, какие мы выползли отсюда в прошлый раз.

Я нашла небольшой тазик, он перевернутый лежал на этом столе. Одну тряпицу я смочила, поливая над тазиком по чуть-чуть водой. Мальчишки со вторым фонарем пошли к дальней стене, а я принялась за дело. Взяла склянку с широким горлом, попыталась оттереть осторожно грязь. Но она намертво въелась в поверхность. Мыла бы.... Кусок мыла я нашла в соседней склянке. Кусочек плавал в какой-то вонючей жиже. На вид – хозяйственное мыло. Но достать его легко не получится. Я взяла палочку с расплюснутым кончиком и хотела достать кусок. Но бутылка воды выскользнула из второй руки и грохнулась в таз, вода наполовину вылилась. Грохот был кошмарный! Я с перепугу даже присела.

- Анька, с ума сошла?

- Я случайно....

А что, если кусочек мыла добавить в тазик? Извернувшись, я подцепила и отковыряла кусочек от куска, попутно умиляясь тому, что мыло так странно хранится.

- Аааа!.....

Кусочек мыла плюхнулся на поверхность воды и начал бегать по ней сам, шипя и сверкая. Во все стороны летели искры, и выделялся дым. Неожиданно кусочек вспыхнул ярким пламенем, шикнул последний раз и затих. Я орала как ненормальная. Давно я такого ужаса не испытывала. Когда всё закончилось, только мерзкий дымок курился над тазиком, до меня дошло, что свело пальцы от страха. Мальчишки были уже рядом, но в их глазах читалось такое же смятение.

- Ты чего сделала? Не трогай ничего! Что ты тут натворила?

- Что горело?

- Вода....

- ???

- ...и мыло....

- Ага. Ты уверена, что это было мыло?

- Уже не очень....

- То-то же... Не трогай ничего. Только пожара нам не хватает! Боже! С вами, женщины, всегда одни неприятности, - пробухтел Ашот.

А я неожиданно расплакалась. Сама не ожидала от себя эдакой слабости, но потом этот едкий дым дошел до носа, и кашель перебил даже испуг. Едва откашлялась. Никита держал меня за плечи, успокаивая.

- Пошли наверх! – Скомандовал наш перестраховщик Ашот. И сам тут же пошел к выходу.

Он дошел до лестницы, споткнулся.... Вдруг где-то наверху раздался странный тихий, но о-очень неприятный шорох. В груди кольнуло знакомое чувство опасности.

- Нас заперли! – Даже в полумраке было видно, как побелел Ашот.

Да, увы! Никита быстро сбегал наверх, шкаф вернулся на место. Сам или чьей-то злой рукой, но это был факт. Сразу пронял холод этого подземелья, жуть от полумрака подступила к горлу.

- Надо было мне наверху остаться. Сейчас даже на помощь никто не поспешит. Ведь ни одна живая душа не в курсе, где искать гореархеологов, - сокрушался Ашот.

- Боцман сообразит. Он, видимо, поэтому и не пошел с нами. Как всегда, он чувствует опасность лучше нас, - грустно подвел итог Никита....

Глава 3.

Говорить мы не могли – зубы стучали, тело судорожно дёргалось, каждая часть в каком-то своем ритме, по позвоночнику иногда пробегал ледяной ручеек близости неприятностей. Никита несколько минут пытался отсчитать нужную сумму за проезд. Водитель уже коситься начал в сторону таких странных пассажиров. Но мы даже улыбнуться ему не могли... И пока возвращались домой, в головах прокручивалась сегодняшняя история. Вытащил нас из подземного плена тот, кто и запер: Ашотик!

... Когда мы осознали весь ужас случившегося, Ашот всплеснул руками:

- Ну, вот... Вот теперь здесь и будет наша братская могила!

- Заткнись, Ашот! – Никита хрустнул пальцами. Мерзкий звук. Терпеть его не могу. Но сейчас меня не передернуло от него, потому что гораздо противнее было ощущение липкого ужаса. Сразу же холод подвального помещения просочился под куртку, сырým дыханием вполз за воротник. Пальцы примёрзли к фотоаппарату, которым я хотела щёлкнуть надписи на всех этих склянках. Кроме того, мальчишки еще нашли книгу. Страницы слиплись, перевернуть их было невозможно. Друзья попробовали прочесть, но света было недостаточно. И я решила, что можно разобраться в тексте дома по фото. Вынести книгу отсюда было практически нереально: она отсырела, весила целую тонну. Я старалась не думать о том, что по моей вине мы опять вляпались в передрагу. Пыталась придумать вариант прокопать выход на поверхность. Два ярких луча от фонарей как бешенные носились по стенам и потолку – ребята искали запасной выход из братской могилы.

- Ашот... А что ты сделал, когда пошёл к лестнице? Может, рукой за что-нибудь схватился?

Перепуганный одноклассник вернулся к столу в центре комнаты. Сосредоточился. Пошел к ступенькам, споткнулся нарочно на том же месте, что и в прошлый раз. Чуда не произошло.

- погоди, ты правой ногой споткнулся?

- Какая разница! – В бешенстве воскликнул Ашот, но потом повторил манёвр. Только зацепил ступеньку левой ногой. Теперь его качнуло вправо, он ненамеренно сильно наступил на круглый выступ на ступеньке. И наверху послышался шорох отъезжающего шкафа. И отчаянный лай обезумевшего Боцмана. Он снаружи понял, что мы не случайно застряли в мрачном доме. Бедняга! Когда мы выбрались из подземельного плена, у него весь нос был в земле и лапы – пытался рыть к нам ход. Как же он нас облаивал и обнюхивал! Со всей собачьей преданностью и со всем своим недовольством мудрого старого пса. Мы промчались вниз по ступенькам холма, нещадно ломая ветки кустов, потом взлетели на противоположный холм, не останавливаясь. И только тут ребята глянули на меня и покатались от хохота. Я огляделась: оранжевый халатик в синий горох смотрелся как-то очень уж забавно на фоне первого ослепительного снежного покрова. Пуговицы выскальзывали из замёрших пальцев.

- Анька, ид-ди так! Типа из больницы сбеж-жала, - выстукивал Ашот зубами, - а мы – сопровождение...

Несколько минут мы хохотали как одержимые. До слез. Потом показался автобус...

... Уже дома у Никиты Протасова мы расслабились, согревшись горячим чаем и бутербродами. И могли спокойно все обсудить.

- Ребята, это хижина химика какого-то доисторического. Эдакая дачка в ближнем Подмосковье.

- Ближнем?.. Кит, лет тридцать назад, я читал, это было та-а-кое дальше Подмосковье! А до революции вообще там были сплошные леса, - Ашот намазывал уже пятый бутерброд маслом, но это не помешало ему щегольнуть эрудицией.

- Но, - я немного задумалась, - не похоже, чтобы этот домик был просто жилой дом. Он скорее всего служил для какой-то определённой цели. Там наземная-то часть очень маленькая. Думаю, Никита прав. Это именно дачка такая. И основное – это подземная лаборатория. Надо бы выяснить, что он там делал. Хозяин.

- Надо просто сообщить куда надо о нашей находке. И пусть разбираются. Я туда больше не полезу. Хоть режьте!

Нашему Ашоту при рождении было выдано осторожности втрое больше, чем остальным. А мы с Никитой переглянулись, и я поняла: один единомышленник у меня есть! Надо еще разок вернуться, чтобы понять...

- Вдруг там есть сокровища какие-нибудь, в конце-то концов. Возможно, никто до нас не находил этого подвала. А химик этот там сбережения хранил от жены и детей...

- Химик?..

- Да, похоже, что химик... У меня сестра в колледже учится, рассказывала иногда. Кстати, у нас тоже скоро химия начнется... Да, а что вы там говорили про клад? Это возможно? Тогда мы будем богатенькие Буратинки – за найденный клад дают вознаграждение.

Ашот тяжело вздохнул. Мы понимали, что сейчас в их семье денежный вопрос стоит острее, чем у всех нас. И именно поэтому он не поехал со всеми в Питер. И хмурился всегда при любом сборе денежных средств в школе. И тихо мечтал о хорошем телефоне, своей личной комнате и котёнке какой-то лысой породы. Лысая, но страшно дорогая порода. Гадость, по-моему, но ему нравились такие лысята.

Поболтав еще немного, перекинули мои фотки с телефона на комп к Никите. Даже отсматривать некогда было – мне нужно было Женьку забирать: она сегодня в гости к подружке пошла. Мама велела забрать ее в шесть вечера.

Вечером Никита мне позвонил и прохрипел:

- Анька, я тебе перекину сейчас твои фото. Это бред какой-то, что там написано. Этот химик был больной на голову, точно.

- Почему?

- Я полвечера пытался понять его почерк. Это что-то вроде дневника опытов. Как мы на биологии делали. Делаешь опыт – и в тетрадь записываешь. Помнишь?

- Ну?..

- Сейчас. «Водород Хлорович с глинозёмием дадут Глинозёмия Хлоровича», или вот еще: «унцию царской водки смешать с...» я не разобрал с чем, но получился у него «дымный кислый газ». Не понимаю, если это описание опытов, то должны быть точные размеры, формулы какие-нибудь.... А то речь про какие-то «драхмы серебра», «унции морской кислоты»... И все в рисунках, типа смайликов.

- Ну, и чего ты так кипятишься? Может, он шифровал что-то! Чтоб конкуренты не узнали.

- А... Ну, может быть...

- А чего ты так странно говоришь?

- Охрип, горло болит. Давай, до завтра...

Лариска, всеобщая любимица и красавица, влюбилась! И выпала из нашей компании, похоже, надолго. В их волейбольной секции появилась новенькая. А за ней всегда заходил брат. Лариска голову потеряла. Летала, порхала, забросила учебу, только на тренировки бежала в любую погоду. И мы как-то реже стали пересекаться. Андрюша должен был помогать матери – та попала в больницу, да не в нашем, а в соседнем городе. Вот он и мотался туда – то лекарства отвозил, то еду. Нас осталось трое. Моя мелкая и везде сующая нос сестренка Женька сейчас была в полном неведении наших приключений. И это здорово! Я за нее так боюсь....

Ашот договорился о встрече с двоюродной сестрой на вечер среды. И мы повезли ей фотки в общагу, потому что комп у нее был сломан, а так хотелось ее комментариев к произошедшему в подвале, раз она химик. Мы захватили с собой планшет с фото.

Сказать, что Анаит удивилась, просматривая по несколько минут некачественные фотки, - только время зря терять! У неё реально отвисла челюсть.

- Где вы это фотографировали?

- А что?..

- Ашотик, если это музейные экспонаты, то все в порядке. Но я сужу по слоям пыли и ненормальному, немuseumному освещению. Вы нашли старинный манускрипт, или ... целую лабораторию?

Блин! Рассекретила просто на раз. Что делать?

Пришлось ей открыться. Так просто она не выпустила бы тайну из своих рук. На выходные мы договорились взять её с собой. Вынудила! В субботу был третий заход в домик с подвалом тайн. Теперь нас было уже четверо исследователей. Боцмана с собой брать не стали – лапу поранил.

- Анаит, только, давай договоримся: ты никому пока! никому! ничего не рассказываешь! – Ашотика трясло от важности, таинственности и одновременно боязливости.

Мелкая и противная снежная крупа больно колола лицо. Даже людей на улицах мало – никому в такую погоду и в выходной выползть из тёплых кроватей не хочется. Мы шли сосредоточенно, как на работу. А я все размышляла над словами сестры Ашота : «Химики только недавно стали пользоваться едиными формулами, а век назад все опыты записывали примерно так, как вы сфоткали...» То есть, этому подвалу 100 лет?

На лестнице-спуске мы нашли следы, абсолютно свежие. Кто-то ещё ходит в наш дом? Наше секретное место раскрыто?

Глава 4.

Хорошо, что сестра Ашота пошла с нами. Иначе наше приключение на сегодня закончилось бы на пороге домика – там сидели две качающиеся фигурки с бутылкой водки и какой-то вонючей едой. Анаитка решительно рявкнула на них, достала телефон и стала грозить рядом полиции на их головы. Звон бутылок и амбре от этих созданий уже через пять минут рассеялись, и мы спокойно проникли в дом через окно. К сегодняшнему походу мы подготовились еще основательней. У меня за спиной болтался рюкзак с таким количеством всяких необходимых в трудных ситуациях вещей, что похлеще школьного портфеля потянет. Ашот тоже с рюкзачком, а Никитка выклянчил у друга классный фотик. Который и в темноте может делать шикарные снимки.

- Блин! Какая мебель! – восхищенно протянула Анаитка.

- Ты что мебелью называешь? Вот эти чёрные доски? – Ашот скуксил мордочку и брезгливо ткнул пальцем в комод.

- Дурак! Это же мебель вековой давности. Её просто в порядок привести надо.

- Диван в той комнате – тоже верх....

- Ну, не перебарщивай. Тот диван, конечно, уже умер. А вот комод, стол и шкаф – суперские.

Я была солидарна с одноклассниками – здесь все уже просится на помойку. Пока Анаит восхищённо разглядывала старинную рухлядь, я вытащила бутерброд с колбасой. Хорошо, что откусила сразу большой кусок. Потому что одноклассники оголодали не на шутку: между пальцами через пару секунд только кусочек хлеба застрял.... Пришлось и остальные заправки доставать и делиться. Анаит из скромности или по другой причине отказалась, а мальчишки схомячили овсяные печенюшки в пару минут. И даже бабушкин луковый рулет улетел в бездонные желудки

гореархеологов с фантастической быстротой. Термос с кофе я приберегла. На потом....

- Ну, вы на пикничок меня пригласили, или все-таки тайнами займёмся?

- Да, пошли уже, - пробухтел наш пухлячок. Ашот с едой за щеками – хомяк натуральный. Жаль, что в полумраке это плохо видно.

Мы стали спускаться по лестнице, предварительно вооружившись фонарями. У меня и Никиты фонарики были самые оригинальные: надевались на голову как шапочки. Очень удобно, потому что руки свободны, и ты всегда смотришь в освещённое место. Супер!

- Ни фиги себе! – Анаит присвистнула.

Подвесив самый мощный фонарь на крюк, мы огляделись ещё раз в этом таинственном месте. Теперь стало видно, насколько это большое помещение. Стало видно, что один стеллаж был заставлен какими-то сундучками. Старинными, кованными, в таких бы драгоценности хранить. На другом стояла стеклянная посуда, иногда очень причудливая. Но центральное место было отведено, и это чувствовалось, печи. Рядом висели крюки разные, чугунные или из какого-то очень тяжелого сплава. Ашот хотел снять эту штуку, похожую на большие тонкие ножницы с крючками на концах. Не удержал. Инструмент грохнулся рядом с ногой, звук падения был такой, будто камаз уронили.

- Хорошо, что не на ногу! – Никита покрутил пальцем у виска, - ты думай сначала.

- А стол, чтобы здесь и обедать?

- О! Первое правило любого химика, любого лаборанта: никакой еды! И на вкус не пробовать ничего! – У Анаитки даже голос выдавал волнение, - ребятки! Вы себе представить не можете, что такое вы нашли! Это просто волшебный подвал!

- А что ты поняла?

- Первое, что нужно: вынести и расшифровать лабораторный дневник. Ту книгу, что вы нашли. Там может прятаться куча научных открытий.

- Ты обещала никому не рассказывать! – погрозил пальцем Ашот. Но сестра не слышала его реплики. Она вся ушла в какие-то размышлизмы, осторожно глядя пальчиком старинную вонючую от сырости книгу.

- А ты можешь объяснить, почему вода вспыхнула в прошлый раз? – я решила ее отвлечь. Было так страшно тогда, когда я с благими намерениями положила кусочек мыла в воду, а он с ума сошел, - но девушка аж присвистнула, когда посветила фонариком на склянку с мылом.

- Дурилка ты, Анютка! Это натрий. Его под слоем керосина хранят. При любом соприкосновении с водой или кислородом воздуха он мгновенно окисляется...

- Чего- чего?..

- У вас химия в школе не началась ещё?

- Не-а...

- Ну... долго объяснять. Так! - она обернулась к ребятам, - слушайте внимательно. Ничего не брать руками. В крайнем случае, только в резиновых перчатках. Я вам дам. У меня две пары с собой. И ни за что не смешивать реактивы! Это очень опасно.

Я уже и не проявляла инициативу, мне хватило прошлого раза. Никита фотографировал всё, что попадало в поле зрения. Ашот присел на корточки и разглядывал ящички на полках, смахивая пыль теми самыми перчатками, что только что предлагала Анаит. Я, как испуганная бабочка, присматривалась к пузырькам, но протягивала руку, и как-то само собой получалось, отдёргивала её. Я реально боялась что-нибудь взять в руки. Студентка обошла всё по кругу, рассматривая, причмокивая, ахая и присвистывая. Вся такая из себя загадочная!.. Наконец, позвала Никиту и попросила посветить на один из сундучков поярче.

- Аня, иди тоже посвети.

Аккуратно приподняла крышку одного старинного чемоданчика. Мы затаили дыхание. Но не золотые монеты выглянули на свет, а черная покрытая плесенью мочалка. Но девушка легонько раздвинула эту мерзость. И вытащила наружу красивый зелёный камушек. Он был размером с грецкий орех. Красивый, сил нет! Свет играл на его гранях, он был как из другой жизни – богатой, старинной, царской...

- Это что?

- Думаю, что изумруд, - торжественно сказала Анаит.

Потом мы ещё нашли там три камня, примерно такого же размера, тоже зелёные. В другом сундучке, который смогли открыть, мы нащупали пять прекрасных по форме, но совершенно неинтересных, цвета кроличьей мочи, камня. Странно, за этими камнями ухаживали, как за изумрудами – они были упакованы в такой же сундучок, хотя и были некрасивы на вид. Остальные коробочки, коробки и сундучки были под замками или запакованы так, что нужно было потратить массу времени на их раскрытие. Что-то во всём этом было, но я не могла уловить мысль. Она пряталась. Только чувство, что я вот-вот нащупаю какое-то открытие, решение загадки таинственного подвала, не покидало. Мучительно пыталась ухватить мысль, даже зубами заскрипела от натуги, но, увы,...

Возвращались мы домой, пыхтя и стоная... Ашот и Никита тащили большую сумку, в которой покоилась та самая книга. Анаит её раз пять обернула бумагой, потом тканью, перевязала, запеленала, как новорожденную, а потом бережно положила в сумку. Причём книга по-прежнему оставалась раскрытой, потому что закрыть страницы не получилось – они слиплись временем и заостенели в таком виде. Я несла те самые изумруды и дурацкого цвета камни... Ни за что не оставила бы их там. Только сундучки остались в подвале – слишком тяжёлые. Анаит завернула каждый камень в тряпочку и аккуратно разложила по карманам моего рюкзака. Сама она тащила рюкзак с фонариками и прочим... с таким грузом мы быстро перемещаться не могли, плелись как рабы. Не

сразу до нас дошло и то, что погода изменилась: противная крупа уже не вгрызалась в лицо, ветер не пытался добраться до костей, опустилась какая-то спокойная безветренность, небо было лишь подёрнуто облаками. Как-то душевнее стало. Люди даже повыползали из квартир, и в автобусе было тесно.

...Сестра у Ашота классная все-таки! Анаитке не хотелось разговаривать в присутствии взрослых и рассказывать новости расследования. Поэтому она всех позвала в пиццерию. Теперь к нам присоединился и Андрей. Он, конечно же, был в курсе наших приключений, но так, в общих чертах.

Зима уже жалобно скрипела под сапогами, хотя даже не декабрь. Мы почти бежали на встречу. Мороз щипал нос и щеки. И потом, мы целую неделю были в неведении. Анаит сама потащила книгу знакомому преподу, клятвенно заверив нас, что постарается не отвечать на вопросы, откуда она. И вот, наконец-то, нам объяснят, что же это за книженция!

Пицца – слишком вкусное событие, поэтому мы сначала заказали самый большой экземплярчик, чтоб на всех, а уж потом перемигнулись и сдвинули стулья. Со стороны казалось, наверное, что это заговорщики нападение планируют. Но шум сидящей рядом толпы мешал говорить спокойно и быть услышанным. Головы наши сдвинулись, и Анаит выдохнула:

- Одна тайна чуть раскрылась, но там еще много-много таинственного. Меня едва не пытали: откуда у меня в руках этот дневник опытов. Отбрехаться страшно трудно было – он же сыростью из подвала воняет за версту. Сказала, что всё расскажу через две недели. Так что в нашем распоряжении есть две субботы и два воскресенья, чтобы все понять и сдать этот подвал в руки науки. А они, загребушие, уже на пушечный выстрел не подпустят вас к вашей же находке.

- Ну! Давай про тайны!

- Значит, так. Я сразу подумала, что, если бы там делали что-то законное, то лабораторию не спрятали в подземелье. Зачем? Темно,

сыро, противно... Значит, она существовала для каких-то темных делишек. То есть там что-то химичили противозаконное. Дневник был открыт на странице, знаете на какой дате? Упасть можно! 12 декабря 1912 года! С ума сойти можно! Как до сих пор этот домик не распотрошили - не понимаю!

Принесли пиццу. Говорить стало невозможно, шум из животов даже думать мешал. Особенно ворчал от удовольствия Андрюшкин оголодавший живот. Бедолага даже не позавтракал, проснулся от моего звонка и помчался в пиццерию. Мы приступили к поглощению вкуснятины. Но горячая пицца обжигала и не давала говорить. Компания за соседним столиком шумела, наводя на мысль, что толком и потом поговорить не удастся. Но Анаит не выдержала первая:

- Ребята, у меня времени мало. Ешьте и слушайте. Короче, я долго сдерживать профессора не смогу. Они из меня всю душу вынули: где я взяла эти записи. Жена у него – филолог, так что кое-что разобрать они смогли, но оба аж трясутся от того, как им всё хочется знать: откуда, что еще было рядом.... А вонь такая от этих записей! Идиоту ясно, что книга не в сейфе хранилась, а в сыром подzemелье...

Мы опять произвольно сдвинули жующие головы ближе друг к другу. Жевать и думать, думать и жевать.....

- Надо понять, что именно он там делал. И почему так таинственно.

- Ага, вот еще бы имя его где-нибудь в подвале отыскать. Тогда легче было бы определить человека по каким-нибудь историческим записям в архивах. Вы нигде фамилии там не встречали? – Анаит обнимала озябшими пальцами чашку с горячим чаем. Она пиццу не ела, заказала себе лишь чай. И грелась об него.

- Надо еще разок наведаться туда. Снег вон как припустил, скоро замеёт домишко, откапывать придется, чтоб внутрь проникнуть.

- Ага. Меня взять не забудьте! – Андрей благостно икнул, - простите....

Но в следующий раз опять отправились мы с Ашотом. Вдвоём. Дело в том, что в школе на иностранном у нас в кабинете прорвало трубу, два урока отменились, и нас ждала дыра в два урока, а потом урок истории. Андрюшу заловила мама, отправила с каким-то поручением на другой конец города, Никита пропустить историю не мог: он доклад готовил на эту тему. Только мы с толстячком перемигнулись на последних минутах географии и поняли друг друга: надо сматываться. Снег валил большими мокрыми сугробами с неба. Наспех натянув пальто, я выскочила на школьный двор, боясь окрика класснухи в спину. Мы с Ашотом застёгивались на ходу. Шарф вообще заматывала за воротами.

- Нет! Я обязательно зайду домой! – тут я была непреклонна. Мальчишки готовы в одной и той же одежде и в школу, и в гости, и в подвал... Я так не могу. И как же я хорошо сделала, что настояла на переодевании в тёплый свитер и пуховик. Умница!

- Как у вас, женщин, всё сложно! Ты же зависнешь дома на час! А мне вечером шею намылят, если я не начищу картошки и не пропылесосу комнату....

- Знаешь, я тут подумала... А как дом отапливался зимой. Русской печки там нет. Я бы заметила. Или это только летний вариант?

- Нет, там есть небольшая печурка. Я видел.

- ??? Где же она?

Минивэн вынырнул из облака белых хлопьев прямо перед нашими носами. Водитель истерически пискнул на нас тонким фальцетом и покрутил пальцем у виска. Остаток пути мы шли более внимательно, отчаянно продираясь сквозь пелену зимней радости.

Ашот – нерисковый парень, но эта история зацепила его. Он уже не бухтел, не возмущался. Может, Анаит так его настроила. Мои опасения, что сейчас будет сплошной нудёж, оказались лишними: он

еще и меня подстёгивал, поторапливал. Довольно быстро мы добрались до спуска. А вот тут засада! Ступеньки отсутствовали! Вернее, они так плотно были спрятаны под белым ковром, что можно сказать, что их не было вовсе. Но кое-как мы выбрались к таинственному дому. Теперь старались уже не ломать ветки кустов, чтобы не открыть дорогу всем желающим выпить в старинных апартаментах.

Печь была неправильная: просто чугунная дверца в стене, но внутри еще валялась махонькая древняя деревяшка, или что-то еще, не сгоревшее много лет назад. Но самое интересное нас ждало, конечно, внутри. Так вперед, навстречу неизбежным приключениям!

Глава 5.

Подвал встретил нас уже как родной! Дохнул холодом и сыростью, чавкнул под ногами противной лужицей у последней ступеньки. Всё было по-прежнему, никого не было здесь с нашего последнего прихода. Это так странно, если честно: уникальное помещение столетней давности, прямо рядом с городом, и никто про это не знает! Мы – единственные обладатели этой тайны.

Я, прицепив на лоб фонарик и надев резиновые перчатки, отправилась на поиски хоть какого-то намёка на имя хозяина. Может статься, что где-нибудь счет, бумаги, договора... Хотя я не представляла себе отчётливо, что можно тут найти. Но искала. Никакого стола с документами, никакой картотеки... Баночки, бутылочки, коробульки. И ни одной бумажонки с адресом, именем и телефоном! Решила посмотреть, чем Ашот занят.

- Ты поаккуратней с ценными коробочками, - не вовремя вставила я.

Ашот с грохотом уронил коробку.

- Анька, с ума сошла: ты чего таким злобным шепотом разговариваешь?

- Я? Это ты не роняй всё подряд!

- Анька... я, кажется, нашёл! Смотри!

Я подскочила к напарнику. Коробок от удара треснул. Но, самое главное, снизу была приклеена бумажка. Темно-коричневая, старая и противная, но ней были начерканы какие-то цифры и буквы. Может, это фамилия его?

- Как д-думаешь, что это? – Ашот уже порядком промерз. Ха, я вот тёплый свитер нацепила, а он в форме и куртке попёрся в ледяной подвал!

- Ну, не фамилия....

Я упорно пыталась прочесть вековую запись. Разобрала только «Кож... июнь 1910». Это мне никак не помогло понять хоть капельку. Но я стала переворачивать все коробёки и сундучки кверху дном. Постепенно вырисовалась такая картинка из информации с доньшек этих сундучков: здесь были указаны разные посёлки, что ли, и даты. Несколько коробок были очень тяжёлые. Мы с трудом их снимали с полок. Даже согрелись этой работёнкой. Вдруг мир покачнулся, грохот свалил нас с ног. Я ткнулась лбом в стол и тут же коленками вписалась в неровный пол. Не успев сказать ни буквы, я опять потеряла равновесие от второй волны грохота и тряски. Бомбят нас, что ли? Почему-то стало плохо видно.

- Ашот!

Ответа не было. Повернув голову в сторону напарника по исследованию подвала, я увидела Ашотика. Он навзничь лежал поверх коробок, раскинув руки. Кто же это нас так вырубил? Его фонарь на лбу не горел. А мой высветил еще одну коробку, угрожающе нависшую над его головой. От этой бомбежки несколько коробок сдвинулись со своих мест, теперь они свисали с полок. Непослушными руками я подтянула приятеля в безопасное место.

-Ашотик! Тебя ударило коробкой? Блин! Не молчи!..

- Э..., - голова приподнялась, глядя на мир большими армянскими глазами и ничего не выражающим взглядом шибанутого.

- Что это... было?

- Не знаю. Кто-то бомбит наш древний домик, похоже....

- Фильмов насмотрелась?!

- Ага, вчера про Сталинград смотрела. Но мы тут при чем?

- Рухнул наш домик, похоже. Помнишь, мы подходили – снег был мокрый и валил безумно. Вот и не выдержала крыша, - одноклассник потирал затылок, сидя на ледяном полу.

- Встань. Простынешь. Этот домишко столько лет стоял, нас ждал? Приспичило рухнуть прямо сегодня, что ли?

- Слушай, а как мы выбираться будем?

Будто я могла ответить на этот вопрос! Я вообще не уверена, что нас завалило. Но что-то случилось. Без нашего на то разрешения. Ашота шатало и болтало, он ещё пару раз вписался в стол боками, пока немного не научился стоять на ногах. Видно в подвале стало хуже: не только его фонарь налобный погас, но и куда-то делся тот, что мы на крюк подвешивали. Его не было как факта. Обшарив руками пол под крюком, услышала странный звук. Неприятный и раздражающий своей назойливостью, он мешал думать. Вах! Это у меня зубы мелкой дрожью стучат!

- Ашот, я, кажется, замерзла.

- Удивила! Я уже давно не чувствую пальцев ног. А всё ты! Притащились сюда, в такую погоду!...

- Ну, осталось только поругаться...

- М-да. Не нашла фонарь?

- Не-а.

- Пошли тогда посмотреть план освобождения. Иначе мы тут околеем, и никакая история нам памятник не поставит.

Но дверь из подвала оказалась, действительно, завалена бревнами. Правильным путём нам не выйти. Холод потихоньку обволакивал наши всё более испуганные тела. Я порвала перчатки резиновые, достала свои пушистые тёпленькие перчаточки. Белые! Но лучше их убить, чем чувствовать боль в пальцах от холода. Мысли понеслись вскачь: нас найдут, когда мы околеем. Надо хоть позу перед смертью принять красивую. Жаль, что не примерила новые джинсы – мама вчера купила. Даже не узнаю, как они сидят на мне. А в следующий понедельник к крёстному на день рождения не попаду... Тьфу, ну что за мысли?!

- Ты Андрюшке или Киту говорила, то мы сюда пойдём?

- Да. Никита в курсе.

- Значит, можно рассчитывать, что искать будут в нужном направлении. Телефон в подвале не берёт совсем.

Да, средство спасения на все случаи жизни – мобильник – здесь был бесполезной игрушкой. Надо как-то согреться. Даже голова отказывается думать в холоде. В этот раз я не взяла с собой еды. Как назло! Печка! Здесь же есть какая-то печурка! Свалившись кубарем вниз, в подвал после безуспешных попыток сдвинуть бревно с дверного проёма, я наткнулась на наш большой фонарь. Ура! Он не сломался. Подвесив его обратно на крюк, мы пошли исследовать печку. Грязное нечто лишь отдаленно навевало мысль о том, что это печка. И что она может быть использована по назначению. Как же этим пользоваться?

Печь встретила нас хмуро. Чёрная от сажи и многолетнего забвения, мрачная и страшная, она вынырнула из темноты благодаря нашим фонарям. Как к бешеной корове походили двое замерзших подростков к её бокам. Чего ждать от нас? Мы в жизни не растапливали печку, ни я, ни Ашот. Только где-то в обмороженных мозгах свербила мысль, что это опасно. Сооружение было как небольшая бочкообразная тумбочка, с двумя маленькими дверцами

спереди, небольшой трубой и круглым блином в верхней части. Мне трудно было разглядеть печь сверху, потому что она заканчивалась на уровне моих подмышек.

- Ну, и как её р-растопить?

- Я помню из сказок, что где-то в русской печи должны быть заслонки, которые нужно отодвинуть. Иначе угорим.

Поискали то, чего никогда не видели.... Что-то нашли.

- А они в каком положении должны быть?

- Спроси полегче чего-нибудь!

Мы как обезьянки с очками возились: что-то дергали, открывали, закрывали. Перепачкались окончательно. Потом пришла еще одна мысль: а чем топить-то? Рядом стояла корзина, накрытая истлевшей тряпкой. Сдвинув в сторону то, что когда-то имело, наверное, цвет, мы, о, радость! нашли уголь! Корзина была полупустой. Но как этим пользоваться? Зажигалку я с собой взяла. А как уголь поджигать?

Провозились еще с полчаса, потом обмотали какую-то палочку тряпкой, что я прихватила из дома, насыпали немного угля в печь. Я очень надеялась, что это уголь! И что печь не рванет, не вскипит, не завизжит. После истории с кусочком мыла уже опасалась всего, честно говоря.... С замиранием околевающих душ подожгли самодельный факел.

Ура! Горит! И уголь вроде не сырой. Но гореть как-то не хотел... Вот бы бензинчиком полить! Я на одной из полок нашла бутылку с надписью «Деревянное масло».

- Масло же горит хорошо? Давай маслом польем угли?

Мы справились! Полив маслом содержимое печки, услышали потрескивание и шум разгоревшихся угольков. Тщетно мы протягивали руки к сооружению, внутри которого затеплилась жизнь. Печь промерзла побольше нашего! Теперь она должна была сначала прогреться сама, а уж потом поделится с нами теплом. Но

набрав мощь, печь вдруг задымила. Дым повалил из всех щелей. Он был едкий и лез в горло, нос, глаза.

- Чего делать будем?

- Не знаю!

Дым тонкими струйками выползал из-под блина наверху печки. А блин становился все красней.

- Как уменьшить огонь?

Теперь мы согрелись уже от сознания непоправимости содеянного. Жуть! Но так продолжалось недолго. Пока мы прокашливались, передний уголь, около дверцы, прогорел, огонь сдвинулся вглубь печки. И дымить перестало.

А волны тёплого воздуха уже гладили лицо, приятным прикосновением успокаивали. Надо же, как огонь умеет успокаивать, если он заперт в печке!

Часы подсказывали, что мы в плену у подвала всего три часа, а казалось, сутки уже проскочили. Ашот присел на какую-то коробку. Он иногда поглаживал затылок, видимо, крепко им треснул.

- Ань, как думаешь, через сколько нас искать начнут?

- Я в семь часов должна на урок английского пойти. Надежда Мартыновна позвонит маме, узнать, почему меня нет, А та будет мне на мобильник трезвонить.... Есть время поискать выход самим.

Мы немного отогрелись, да и потрескивающая печь навевала умиротворение. Подвал вдруг проникся к нам доверием и стал подбрасывать отгадки к жизни своего хозяина. Сначала Ашот нашел котёл, странный такой: как кастрюля из мультиварки. Бока плавно переходили в круглое дно, а бортики были выступающие. То есть её надо вставлять во что-то. Потом нашли во что: каменная квадратная рамка. Ее переставляли на верх печки, надо думать, и вкладывали кастрюлю. А может быть, этот диск с верха печи вынимался, и кастрюля вставлялась туда? Что же он тут варил, этот химик? Не суп же? Дальше подвальная лаборатория опять подкинула нам

подарки: на одной полке я обнаружила много бутылок, обёрнутых бумагой с надписями. И их можно было прочесть. «Раствор адского камня», «царская водка», «серный спирт», «поташ», «красная кровяная соль», «жёлтая кровяная соль» - названия, одно страшнее другого! Мы находили на каждом шагу какие-то намёки на деятельность хозяина, будто ожившая печь помогала нам в исследованиях.

Мы стали осматривать стены. Одна стеночка была увешана какими-то крюками, стояли небольшие чашки из глины, похоже. Кроме того, мы нашли здесь две бутылки от вина! Другая стена преподнесла нам еще одно открытие: там явно была дверь! Только путь к ней преграждал большой ящик. Но дверь! Вдруг это запасной выход? Ящик упал не сейчас: вековая пыль и грязь лежала толстым слоем поверх него.

- Давай сдвинем?

Но наших усилий не хватало, чтобы переместить эту тяжесть. И мешал выступ в земляном полу. Пришлось раскрыть ящик и вытащить шесть больших бутылок с какой-то жидкостью. Очень осторожно мы переставили их к стеночке. Передохнули.

- Ань, у тебя бутербродов нет с собой?

- Сегодня не взяла... Ты же торопил. Едва переодеться успела. Ты так был против этого домика вначале, так почему сегодня рвался сюда?

- Понимаешь.... У нас дома проблемы... Вот я и подумал, что смогу здесь что-нибудь ценное найти, и маме помочь.

- Ааа... Ну, давай аккуратно переставим ящик. Только бы не уронить!

Мы напряглись и перенесли ящик с оставшимися бутылками в сторону. Ашот потянул дверь на себя...

- Аааа!!! Аааа!!!

Я орала как безумная, а потом от ужаса отключилась. То, что выпало на нас из тайной дверцы, лишило меня сознания.

Глава 6

- ..Никогда не думал, что коленные чашечки – такие огромные у человека! И столько костей всяких еще есть...

Нет, у парней все-таки особенное чувство юмора! И умение вытаскивать человека из обморока – тоже. Мало того, что на меня выкатился череп! Настоящий человеческий череп! Так теперь мне еще и перечисляют все кости, что меня чуть не убили...

- Ашот, заткнись!

- О, пришла в себя? Чего это ты вырубилась вдруг? – Ашот, о ужас! -перебирал кости как конструктор, складывая из них чьи-то ноги!

- О!

- Нет, в кабинете биологии тебя скелет не смущает, а тут напугалась! Смотри, как интересно!

- Ашот! Я сейчас встану и тебя убью! За-мол-чи!

С трудом сев на полу, я пыталась сфокусировать взгляд на печке, чтобы только не смотреть в сторону одноклассника. Сознание как-то плавало, вчерашний завтрак напоминал о себе где-то в горле... Сначала я перекатилась на четвереньки, потом, кряхтя, как старая бабся, подняла своё тучное тело. При этом всем спинным и неспинным мозгом чувствуя где-то рядом тот самый череп. Ну, точно, он валялся около моей правой ноги. Гадость какая!

- Ашот, убери его. Умоляю.

Минут через пять я уже могла говорить, не сглатывая после каждого слога.

- Ты скажи, мы через эту дверь наружу-то выйдем?

- Ха! Если б здесь был ход, то и хозяин бы вышел.

- Не понимаю.... Говори без загадок.

- Я так думаю, что этот экспериментатор, что тут чудил, пошел за бутылочкой винца в свой бар. Тут за дверью только полки и бутылки на них. Зайти – зашел, а потом этот ящик, что мы с тобой отодвигали, съехал со своего места и запер химика в баре.

- И чего? Он выйти не смог, что ли?

- А ты помнишь, как мы упирались, чтоб ящик с места сдвинуть? Пока не поняли, что выступ мешает. А мужик-то за дверью оказался.

- Зачем ему вообще здесь тогда дверь? – почесала я затылок.

- Думаю, что иногда в его химкабинетике было жарковато, а тут вина. Они ж определенной температуры требуют, я так читал. Вот он и сделал себе бар.

- Так что ж, его никто не искал? Он тут тух, мерз или тихо загибался от голода, а его не разыскивали? Нет... Наверное, сердечный приступ подкосил... А позвонить не смог.

- Анька!.. Я умираю: позвонить?! Сама подумала, что сказала? Да, и я так думаю, - Ашот понял указательный палец вверх, - что об этом местечке он своим тётушками и жёнушкам не рассказывал. Он что-то противозаконное химичил тут, не иначе. Зачем другим сливать информацию о месте своей дислокации?

- Загнул!

Но в чем-то пухлячок прав. Вот это смерть: без единого человеческого голоса! Ори, не ори – никто, кроме белок, не услышит. Тут ведь леса были. И хозяин не зря в лесах сбацал себе домишко: он от чужих глаз подальше сбежал. Значит, шкафчики наверху были не для чайного сервиза. Скоротать вечерок тут можно было только с волками, да белками. Он что-то творил здесь: или новые тропы в науке прокладывал или химичил для своего кармана. Может, деньги отливал-печатал?.. Но печатного станка не видно...

Мы искали что-нибудь значимое для создания образа хозяина. Ашот возился в этой кладовке, а я медленно переползала взглядом с одного предмета на самой широкой полке рядом с печью на другой предмет. И нашла! Там стояла рамочка с сердечком-шкатулкой! В таких обычно держат фото любимых. Надо открыть створки сердца. Ура! Бережно, насколько возможно, я взяла в руки рамочку из гнутой толстой проволоки. Грязная липкость утяжеляла предмет вдвое, наверное. Слой грязи сверху сердечных тайн столетней давности не сразу покорился моим замерзшим пальцам. Есть! Фото! Нет, скорее, это пожелтевший от времени рисунок. Но есть подпись! А это самое главное. «Агата, 2 года» - было подписано под изображением кудрявой головки малышки. Не думаю, что в Москве даже сто лет назад Агаты по городу колоннами ходили. Редкое все-таки имя. Значит, можно найти всех Агат двухлетнего возраста и понять, что за великий любитель похимичить и невовремя выпить остался навечно в подвале своей фазенды.

- Есть кто-нибудь? – Такой знакомый и родной голос Никиты взорвал мозг.

- Да!!!! – хором заорали мы с одноклассником. Ура! Мы не замерзнем здесь как этот горе-химик. Это классно!

Возня наверху становилась все слышней. Мы пытались просунуть носы в щелку выхода в большой мир. Но Никита с папой и мой папа заорали, чтобы мы ушли в безопасное место. Пришлось спуститься в подвал. Печь уже даже не светилась – все прогорело. Сырость опять обняла нас, но теперь мы ее не боялись. Свобода и теплая постель были где-то уже на расстоянии нескольких часов. Только сейчас замерзшие пальцы ног заныли, чувствуя приближение теплой ванны, а желудок напомнил громким урчанием о своем существовании. Мы лихорадочно оглядывались в лаборатории, понимая одну давно усвоенную истину: если твоя тайна стала известна взрослым, то с тайной можно попрощаться. Хотелось объять все грани тайного места, запомнить и унести с собой. Вряд ли нас потом допустят до ступенек подвала, хоть это и наша с Ашотом заслуга, что нашли это место. Теперь тайна стремительно уплывала из рук, а разгадать загадку этого подвала так и не удалось.

Мужчины ходили по подвалу, прицокивая языками, иногда потирали руки. Но мы взмолились – домой хотим! И все отправились восвояси. Даже заболеть не получилось, Посопливив ради приличия несколько дней, мы с Ашотом уже к среде были как огурчики. А через неделю мы встречались с Анаит. Зима прочно вступила в свои права, и вчера нам залили каток.

- Ну, говори, есть новости?

- Ребята, не кидайте в меня тапочками, а! Я вынуждена была рассказать о вашей находке. Меня почти пытали...

- Да теперь уже неважно все это, - вздохнув, я рассказала последние новости. Анаитка раскрывала свои черные глаза все шире и шире. Пришлось взять тайм-аут и прокатиться с ребятами, пока она в себя приходила.

Потом мы собрались все на старой поваленной березе, переобувались и болтали. Но говорить было почти не о чем: от нас уже мало что зависело.

- Узнать бы фамилию этого человека....

- Анька только рисунок детенка какого-то нашла подвале. Но ни фамилии, ни года нет....

Недели бежали...Нас несколько раз вызывали на разговор всякие хмурые дядьки, чтобы мы рассказывали в сотый раз, как набрали на этот дом. Пока мои родители не возмутились. В новогодние каникулы мы попробовали сходить к тайне в гости. Ага! Сейчас! Огромный забор вырос, скрыв территорию размером с хорошее футбольное поле. Злобные и голодные овчарки лаяли с той стороны под окрики сторожа, а табличка «Исторический объект. Строго охраняется» отпугивали всяких любопытных.

От приключения остались коробочки с орехами из самоцветов, рамочка с рисунком девочки и... три бутылки вина, которые Ашот в последний момент спер из подвала в рюкзаке. Все.

Конечно, за все зимние каникулы я не удосужилась решить 45 заданных по математике задач. И в последние дни сидела на попе по пять часов, пытаюсь наверстать пробелы. Не всем моим одноклассникам так «повезло» - но я имела неосторожность заявить на последнем уроке, что могу получить высший балл по точным наукам. И мне презентовали задание! Выполню – поставят «пять» баллов в четверти. Улеглась я спать ближе к полуночи, а в полшестого утра мой телефон поднял весь дом.

- Ашот! Что случилось?

- Анька! Эврика! Я придумал!

- У тебя потоп?

- Нет...

- Пожар?

- Да нет же....

- Тогда все идеи через полтора часа, я с-п-а-т-ь хочу!

Эврика – вещь хорошая, но она же не должна мешать спать. Мне было стыдно, что не выслушала друга. Но теперь я ощутила на собственной шкуре, каково жить рядом с людьми, на которых озарения и эврика сваливаются вместе с яблоком или в ванне, или – по ночам!

ГЛАВА 7

- Ашот, ты протоптал тропинку у мусорных баков?!

- Знаешь, что я придумал?! Короче, помнишь: нам историчка рассказывала, что раньше обо всех, из ряда вон выходящих, событиях печатались объявления в «Московских ведомостях». И даже, что у купца стащили бочку меда и прочую лабуду. Так?

- Ну?

- Так можно поднять старую прессу и посмотреть... Ведь этот химик был явно не просто рабочим. А каким-то состоятельным джентльменом. А раньше люди не пропадали пачками, как сейчас. Значит, его исчезновение не должно было остаться незамеченным!

- А это мысль! Молоток! Отлично придумал, - я действительно думала, что мысль хороша. Только где эти газеты взять? У нас дома и прошлогодних-то не найти.

- Я позвонил сестре, ей все равно раз в неделю бегать в библиотеку приходится – у них там не хватает учебников. Нам ведь еще не дадут архивные материалы, их только по паспорту...

Мы потопали немного на крыльце, чтоб не нести в школу по сугробу на ногах. Зима щедро сыпала по ночам белые хлопья на наш город. Скоро к школе будет и не пройти. Как там домишко поживает, интересно? Совсем крыша провалилась, наверное... Днем уже выглядывало солнышко, намекая на приближение весны. А нам говорили, что все работы по разбору завала начнутся только после того, как снег растает. Вообще-то нам пообещали, что мы сможем приходить и узнавать новости о расследовании. Но все отложено до весны. Сиди и жди... И вот наконец-то Ашот нашел такую ниточку от клубочка, за которую мы сами можем схватиться и распутать клубочек столетней давности. Вдруг, нам повезет?

Анаит побухтела немного для приличия, что ей некогда нашими изысканиями заниматься, но, по-моему, она лукавила: самой тоже было интересно. Продумав все, что можно, мы пришли к выводу: искать нужно, отталкиваясь от факта, что в конце декабря 12-го года химик был жив и здоров. Это так мало для поисков, но хоть какая-то надежда.

Через три дня Анаитка приехала в гости к Ашоту, но собрались у Никиты. Пока мы все мило трепались за чаем, чтобы не привлекать внимание к остаткам тайны Никиткиной мамы. Сестра Ашота болтала всякую чепуху, рассказывая громко и весело про свою студенческую жизнь.

- Ладно, - мама у Никиты все поняла, - шепчитесь. А мне надо брюки подшить.

У сестры Ашота глаза не просто светились, а сверлили все насквозь, так ее жгли новости.

- Ребята, у меня ворох новостей! Не знаю, с чего начать... Короче... Во-первых, часть дневниковых записей расшифрована. Этот человек был не химиком, а ювелиром, скорее всего. Смысл всех его опытов – облагораживание драгоценных камней. То есть, огранка и полировка драгоценных камней и самоцветов иногда не позволяла сотворить истинный шедевр. Ну, или в камне дефект обнаруживался, или он был недостаточно красив. Так вот, этот ювелир-химик из невзрачных и бракованных камушков делал уникальные вещи. Для этого камни и в открытом пламени держал, и в разных маслах кипятил. Все опыты тщательно записывал. Например, изумруды пропитывал кедровым маслом, но пробовал и льняное, и оливковое, и даже какое-то заморское масло. Многие камни меняли цвет от нагрева, становясь ярче, а потом он пропитывал их каким-то чудным составом, чтобы трещинки заполнить. Ценность камня возрастала в несколько раз.

- Гляди, сто лет назад уже махинации в ходу были!

- Да и сейчас ювелирные изделия содержат камни, обработанные тем или иным способом, но это обязательно должно быть указано. А я сомневаюсь, что он предупреждал покупателей о своих «доработках» камней.

- По вашей просьбе я перелопатила «Московские ведомости» за три месяца – с конца декабря и по середину марта. Пропавших двое: пекарь какой-то, отец троих малолетних детей, но жуткий дебошир и скандалист. Думаю, что не наш клиент.

- А когда он пропал?

Девушка заглянула в небольшой блокнотик:

- В газете писали.... 20 января вышла заметка... Но не думаю, что к нам имеет отношения пекарь.

- А еще?

- Еще один странный господин. Он появлялся и пропадал в Москве. И однажды исчез, и его хватились только в начале марта, когда он не пришел на какое-то мероприятие при дворце. Вот тогда его экономка сказала, что не видела его уже месяц. Некто Шварц, Эммануил Шварц. Но он не женат и терпеть не мог детей. Поэтому Агата – как-то не к нему.

- Ну, а откуда такие сведения: про детей?

- Экономка говорила, что он даже в гости никогда не ездил, если там дети.

Мы немного помолчали, Анаит уминала булку с вареньем, Ашот рисовал ручкой на газете загогулины, я лихорадочно высчитывала, как человек мог пропасть в те времена, а никто бы не заметил.... Если он одинокий совсем...

Не выдержал Никита.

- Ты еще что-то говорила о нашей местности...

- А, ну да! Я случайно наткнулась на то, что Торсуевские леса имели дурную славу. Это, где сейчас наш город стоит, раньше было Торсуевскими лесами.

- Ух ты! А я и не знал! – воскликнул Никита.

- Ага. И якобы волков было много, и болотца опасные, но еще здесь жил колдун двухметрового роста в лесной избушке. И дым из его избушки был виден то красный, то такой зловонный, что глаза щипало. А всех нежданных гостей и заблудившихся грибников он злыми собаками прогонял. Это очень похоже на ваш «Дымный холм», между прочим!

- Клево!

- Сестра, я тобой горжусь. Жаль у колдуна фамилию не спросишь...

- Ну, извини....

Да, много всего мы узнали, но, по сути, не продвинулись ни на шаг вперед.

Поболтав еще немного, разошлись по домам. Март завертел нас так, что думать о приключениях и древние загадки разгадывать было некогда совсем. Контрольные сменялись отчетными концертами, спортивными соревнованиями, какими-то фестивалями. В школьной жизни март – сущее наказание! И мы однажды совсем обнаглели и всей компанией решили прогулять пятницу! Забить на все уроки и вдохнуть первый весенний воздух нешкольного разлива. Но уже во дворе нас перехватил звонок: Анаит захлебывалась новой информацией и просила приехать на встречу.

Дело приняло серьезный оборот - случайно сестра Ашота наткнулась на интересный факт: некий ювелир в Москве разбогател в начале века как-то слишком стремительно. Его магазинчик был полон сумасшедше красивых вещей, княгини и их поклонники выстраивались в очередь за кольцами и кулонами небывалых огранки и расцветки. У ювелира было три сына, которых он готовил в свои преемники. Но внезапно на их семью обрушилось горе: брат ювелира пропал! Он служил учителем в какой-то мужской гимназии, был человеком очень молчаливым и замкнутым, но в 1912 году неожиданно женился, родилась дочь. И мужичок стал более открытым, стал часто со старшим племянником общаться. Тот почти переехал к дяде жить. Молодая супруга обвиняла паренька в том, что в новогодние морозы тот уговорил мужа отправиться за елкой в лес. Парень домой через несколько часов пришел, а вот брат ювелира исчез. «Московские ведомости» сообщали, что поиски результата не дали. Хоть и лес прочесали, насколько сугробы позволили. Ювелир от горя стал разоряться, и через пару лет магазинчик закрылся.

- Я пролистала газеты за два года! Мне памятник надо ставить!

- Супер!

- Так вот, фамилия этих братьев – ювелира и учителя – Родзянские. Ювелир потом эмигрировал в Канаду, а осиротевшая семья брата – в Польшу. Можно поискать Родзянских в Польше.

- Это похоже на поиски иголки в стоге сена! Фамилия польская, их, поди, как у нас Петровых.

- Да и поменять могли потомки фамилию...

- Почему это?

- Вышла замуж и поменяла на фамилию мужа!

- Ну, тогда найти нереально вообще! – Никита всплеснул руками. Он – человек дела. Ему дай задачу – он будет грызть любой гранит. Но если есть какие-то четкие ориентиры. А искать неизвестно где и неизвестно кого – это не его, на лице тут же проступила скука....

- А давайте в социальных сетях поищем всех Родзянских.

- Бред!

- Может, попробовать через тот ювелирный магазин поискать?

- На этом месте уже выстроен институт какой-то. Не помню название... Но весь район тот уже давно перекроили, - Анаит посмотрела на часы. У нее сегодня еще какая-то встреча. На которую она боялась опоздать.

Мы потеряли настрой ехать в кино. Вышли проводить Анаитку. А потом просто разошлись по домам спать.... Жутко выспаться захотелось.

Дни бежали, весна с каждым днем все сильнее стучалась в жизнь капелью, дурманила пьянящим воздухом, мешая думать на уроках. Сидеть в помещении не хотелось совершенно. Весенние каникулы хотелось притянуть за уши. Но контрольные по всем предметам превращали каждый день в сражение. Это изматывало и лишало способности влезать в новые приключения.

Видимо, космический разум решил, что нам надо помочь в наших поисках. Чудеса на планете случаются! В этом я убедилась как-то в среду....

- Ань, не переключай канал. Сейчас интересная передача начнется, - крикнула из кухни мама. Я с учебником истории забралась на диван, телевизор что-то там бухтел про беспорядки на Ближнем востоке. Но вдруг меня будто ударили!

- ... Мои предки жили в России. Прапрадед увлекался химией минералов. К сожалению, он пропал как-то зимой. А его брат держал известный в то время ювелирный дом. Но фортуна отвернулась от них перед русской революцией, и они эмигрировали. Я всегда мечтала походить по улицам вашей столицы, - высокая блондинка средних лет улыбалась европейской улыбкой откуда-то из Бельгии. Корреспондент задавал еще кучу вопросов, она отвечала, откидывая мокрую прядь волос. Наконец, я поняла смысл этого интервью: эта женщина – океанолог, и она сделала какое-то феноменальное открытие в своей области. Теперь ей захотелось пообщаться на эту тему с каким-то профи в нашей стране.

- Когда Вы планируете приехать в Москву?

- Через неделю я уже подготовлю все материалы.

Корреспондент услышал мои мысленные мольбы:

- Ждем Вас, госпожа Лара Джакобс, в России. Москва будет рада встрече.

... Все! Что мы дальше творили, лучше не вспоминать! Наша с Ашотом и Анаит настойчивость и одержимость пробивала стены: мы нашли корреспондента за тридевять земель, выведали у него телефон этой женщины, созвонились.... Казалось, что наша уверенность и напор открывали нам все двери. Женщина, ничего не понимающая по-русски, слушала наше возбужденное щебетание минут пять. Потом отключилась. Растерявшись, мы оказались в ступоре... Но через час раздался ответный звонок.

- Вы звонили Ларе Джакобс? Я знаю русский язык. Говорите, я ей переведу.

Ура! Трижды ура! Мы нашли! Мы смогли! Это она – потомок того колдуна-ювелира-химика.

Все стало так стремительно ускоряться! Каникулы были заняты подготовкой к долгожданному событию. Нас трясло от драйва! Мы, а не всякие спецслужбы, нашли потомков колдуна! Домишко, правда, совсем разобрали на бревнышки и того таинственного домика, что увидела я полгода назад в зарослях, уже не существовало. Но зато ее ждала тайна. Которую мы могли ей рассказать, а в ответ ждали лишь рассказа о дальнейшей судьбе ее семьи. Все камни, что я тогда принесла домой и хранила несколько месяцев, не показывая даже родителям, бутылки вина, которые Ашот спер из подземного бара – все мы тщательно хранили для встречи. Мы не знали, сможем ли мы продемонстрировать все эти находки ей, но ждали продолжения истории, будто от этого зависела наша жизнь.

Чудеса на свете встречаются! Теперь я убедилась в этом еще раз. Лара прилетала в Москву трижды. Выяснилось, почему ее родственник – парнишка – тогда выжил и вышел к людям, а прапрадед исчез. Это стало ясно из письма, которое парень написал в конце своей жизни: они поругались и немного разошлись по тропинкам, а волки разогнали их по лесу. Ювелир же разорился, потому что только с помощью брата-химика он мог подниматься в гору, продавая купленные за бесценок и облагороженные камни. Мы восстановили почти все ее семейное древо, этой улыбчивой женщине удалось доказать свое право как родственнице на семейные ценности. И теперь наш таинственный подвал обрел хозяйку. Конечно, ей он был не нужен для практических целей, но приятно, что история не растворилась из-за потери связи поколений. И мы этому способствовали...

Весна – время, когда все – и аромат первых теплых деньков, и улыбки прохожих, и влюбленности – все окрыляет. Ну а если ты еще и завершил хорошее дело, то за спиной совершенно четко вырастают крылья! Мы летали!

- Ребята, я вам так благодарна! Я будто почву обрела под ногами. Дело не в изумрудах и сапфирах. Хотя...., - Лара открыла

сумку и достала небольшой сундучок, из тех, что мы видели в своей подземной экспедиции. Только сейчас он сиял отполированными боками, - от меня есть небольшой презент в качестве благодарности.

Открыв крышку, мы увидели те самые камни, что прятались в моей квартире, и которые так жаль было отдавать просто в науку.

- Это вам от меня на память.

Каждый камешек лежал в бархатной одежке, заботливо укутанный со всех сторон.

- Это слишком дорого! – Мы затрясли головами, но по щекам Лары текли слезы.... Объявили ее рейс, пришла пора расставаться. Обняв каждого из нас, женщина взмахнула рукой и ушла на регистрацию... Теперь в Москве у нее есть друзья и родовые корни. А там далеко, где-то в Европе у нас есть человек, который нам рад.

История закончилась....

Мы не могли не собраться все вместе, всей компашкой, чтобы рассмотреть подарок – дюжину камней с вековой историей. Мы сидели в нашей детской, и надутая от обиды Женька хлюпала носом. Как же: ее эта история обошла стороной. Этого она мне не простила бы никогда. Но была еще одна грустная новость: Ашоту скоро придется уехать, далеко и навсегда. После того, как отец их бросил, маме Ашота было не вытащить в одиночку жизнь в окрестностях столицы. Им предстоял переезд в маленький поселок, где-то в далекой области. Пили пепси и ели огромные порции мороженого, а куски застревали в горле. В окно стучался май, последний май, когда мы вместе....

- Знаешь, Ашотик. Я тебя слишком люблю, чтобы вот так вот расстаться, - я еще не осознала сама, что делаю, но взяла ладонь одноклассника и переложила туда половину камней, упавших к нам из прошлого века, - ты вполне имеешь право воспользоваться нашей находкой. Иначе, зачем существуют друзья?

Ашот медленно разжал руку и молча замотал головой: неет!

Но тут до всех дошло, что это выход! Мгновенно растаяла грустинка нашей встречи. Теперь мы ошалело резвились, найдя решение проблемы.

У меня замечательные друзья!